

## ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1993 г. РАДЧЕНКО О.А.

### ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ НЕОРОМАНТИЗМ Й.Л. ВАЙСГЕРБЕРА\*

К бесспорным недугам лингвистической историографии относится тот случай, когда факты какой-либо концепции остаются в тени, а их критика становится элементом традиции и, кочуя по страницам научных изданий, порождает устойчивую лингвистическую мифологию. В свое время на подобное обстоятельство в отношении В. фон Гумбольдта сетовал В.А. Звегинцев. Однако не миновала эта судьба и неогумбольдтианцев, в первую очередь — Йоханна Лео Вайсгербера (1899–1985), которого советская критика за тридцать лет успела окружить всеми атрибутами лжеученого.

В 50-х годах имя Вайсгербера и некоторые элементы его философии лишь упоминались без особых оценочных характеристик [1–3]. Но следующее десятилетие вызвало к жизни обширную критику либо всего учения Вайсгербера в целом [4, 5], либо отдельных его разделов: теории слова [6], теории языкового поля [7], учения о словообразовании [8] и синтаксисе [9]. Характерным для этой критики было категорическое неприятие неогумбольдтианской философии языка [10], хотя практический материал накопленный Вайсгербером и его сподвижниками, признавался ценным и достойным пристального внимания [1, с. 38]. Представителей этого направления еще в конце 20-х годов с легкой руки О. Функе называли "неоромантиками" [11]. На общем негативном фоне остались незамеченными попытки первой полемики с нарождающейся "традицией" [12]. Портреты Вайсгербера, написанные в нашей лингвистической литературе в 70-х годах, уже обнаруживают все негативные шаблоны: идеализм, агностицизм, мистицизм, национализм, реваншизм (так в [13, 14]). Диапазон этой портретики широк: от упоминаний вскользь [15, 16] до масштабного анализа методологии [17] и философии языка [18] Вайсгербера, по сути продолжающих негативную линию советской критики. Несмотря на некоторое оживление интереса к неоромантизму в 80-х годах в свете антропоцентризма и когнитивной лингвистики [19–22], освещение истории, теории и практики учения Вайсгербера и поныне пребывает во власти негативных оценок. Подтверждением тому служит статья Л.С. Ермолаевой о неогумбольдтианстве в Лингвистическом энциклопедическом словаре [23, с. 330].

Таким образом, не имея в своем арсенале ни одного перевода работ Вайсгербера на русский язык, мы располагаем солидной критической литературой, где обнаруживаем достаточно сходное у всех критиков отрицательное мнение о лингвофилософской концепции Й.Л. Вайсгербера.

Между тем в историю языкознания Й.Л. Вайсгербер вошел бы уже только за то, что он впервые попытался воплотить философские идеи В. фон Гумбольдта в современной концепции языка. (Эта неоспоримая заслуга принесла ему даже титул *Humboldt redivivus*.) При этом он опирался на взгляды Э. Кассирера,

\* Автор выражает искреннюю признательность за предоставление ценных и редких материалов по проблемам неоромантизма проф. Х. Гипперу (Мюнстер), проф. Х. Бринкманну (Мюнстер) и проф. Б. Вайсгерберу (Вупперталь), а также особую благодарность акад. Ю.С. Степанову за большую помощь в процессе подготовки этих материалов к печати.

Фр. Маутнера, Э. Гуссерля и особенно Ф. де Соссюра, препарируя их идеи сообразно с внутренней логикой своей концепции.

Фундаментальнейшее положение этой концепции — "языковой закон человечества" (*Menschheitsgesetz der Sprache*) — вызвало наиболее резкое порицание критиков и обвинения в субъективном [18, с. 19] или объективном [1, с. 38] идеализме. Как известно, Вайсгербер не был философом-теоретиком и не задавался целью создать новое философское учение, а его философия языка представляет собой продолжение традиций немецкого языковедения, традиции Й.Г. Гердера и В. фон Гумбольдта. В основе "языкового закона" заложено представление Вайсгербера о четырех ипостасях языка: 1) актуализированном языке, т.е. речи как психическом процессе и физическом явлении; 2) языке как основе индивидуальной речевой деятельности, или "языковом организме" (*Sprachorganismus*); 3) языке как объективном социальном образовании (*soziales Objektgebilde*) и 4) языковой способности как таковой [24, с. 36]. Исключая изучение речи из предмета "энергетического языковедения", Вайсгербер избрал из остальных трех уровней основным надличностный уровень родного языка. (Это положение обнаруживает явное влияние идей Э. Дюркгейма.) Подчеркивая, однако, важность вовлечения всех уровней в свою концепцию, он на каждом из них формулирует одну из разновидностей "языкового закона": закон родного языка, закон языкового сообщества и закон обусловленного языком бытия.

Ядро "языкового закона человечества" — закон языкового сообщества — констатирует, что всякий язык существует только в условиях определенного коллектива людей, для которых этот язык является родным, — языкового сообщества (*Sprachgemeinschaft*). Этим обусловлен и "коллективистский характер" всей концепции [24, с. 4]. Языковое сообщество составляют те, кто способен, благодаря своему индивидуальному языковому организму, "настраиваться на это сообщество", причем непосредственное общение между всеми носителями языка не является непременным условием [24, с. 105]. Как культурное достояние (*Kulturgut*) язык обладает в условиях сообщества особой функциональной реальностью [25, с. 37], а само сообщество является надличностным, ибо его основу образуют "объективные формы, силы и отношения, независимые от конкретных людей" [24, с. 112]. Сообщество определяет процессы изучения языка, регулирует самым своим существованием и с помощью фиксированных объективаций использование языка отдельными индивидуумами, описывает на основе обусловленного языковым взаимодействием языкового чутья (*Sprachgefühl*) возможности индивидуальных модификаций языка. Индивидуум разворачивает свою языковую индивидуальность только с помощью и в рамках языкового сообщества [24, с. 117].

Этот важный процесс фиксируется законом родного языка: "Каждый человек формирует свой языковой организм на основе тех средств, которые предоставляет в его распоряжение язык; вот только эти средства не передаются ему в виде удобного для пользования словаря, а прилетают к нему разрозненными страницами, упорядочиванием коих он занимается всю свою жизнь" [24, с. 124]. Эти "разрозненные страницы" человек обретает в самом раннем детстве, когда одновременно с усвоением первых слов происходит формирование понятий. При этом "изучение языка конкретным человеком не ограничивается тем, что он запоминает подходящие обозначения для понятий, которые пришли к нему каким-то иным путем. Напротив, изучение языка одновременно означает усвоение понятий, которыми пользуется интеллект, прибегая к языку" [25, с. 41]. Человек интеллектуально осваивает мир понятий (к примеру, из области цвета), упрощая все своеобразие реальности с помощью группы символов (обозначений цвета, составляющих в данном языке систему, которая соответствует сложившейся в нем концептуальной системе цветов) и превращая реальный мир в небольшое число понятийных категорий.

Процесс формирования понятий протекает, по мысли Вайсгербера, следующим образом: "Языковой символ, звукоряд, имя входят поначалу как чужеродный элемент в комплекс данного чувственного факта; тем самым фиксируется чувственное восприятие, и, поскольку языковой символ как духовный компонент также находится во власти сознания, это чувственное восприятие, впечатление становится сколь угодно воспроизводимым. Одновременно тем самым складывается принцип классификации, способный понятийно связывать даже качественно разные ощущения" [25, с. 42]. Так, носитель языка формирует понятие "красный" в раннем детстве в первую очередь не на основе познания чего-то общего в различных оттенках цветовых ощущений, а с помощью языкового символа под влиянием и даже под давлением языкового сообщества в лице воспитателей. Этот символ связывает разнообразные впечатления от "красного" в рабочую понятийную единицу. Языковой символ — не вспомогательное ассоциативное средство для протекающего имманентно процесса формирования понятия, а "точка кристаллизации новых впечатлений и ощущений для их понятийной переработки" [25, с. 43]. При этом воспитывающее окружение выступает как нормативный фактор; человек оказывается в значительной степени зависим от него и не способен установить меру истинности усваиваемых понятий. "Человек принужден в самых широких масштабах полагаться на верное функционирование этих искусственных образований; перенятые духом и вновь созданные категории обретают власть над своим создателем" [25, с. 43]. Ведь носитель языка вряд ли может дать себе отчет относительно происхождения и объема его понятийного фонда или спросить, "верны" ли его понятия, а тем более — перепроверить хотя бы малую толику их.

Вывод, который делает Вайсгербер на основе исследования процесса формирования понятий у детей, состоит в том, что язык через воспитателей "сообщает отдельному человеку не только звуковые символы, названия, но и подразумеваемые ими понятия" [25, с. 44]. Член данного языкового сообщества "формирует свое интеллектуальное видение мира не на основе самостоятельной переработки своих переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его языковых предков" [25, с. 45].

Для обоснования своей точки зрения Вайсгербер привлекает случай амнестической афазии (амнезии) у пациента, проходившего курс лечения после ранения в голову. Частичная амнезия затронула в особенности названия цвета, причем у пациента не было отмечено оптической невосприимчивости к цвету. Но он не мог назвать показываемый цвет; не помогало и упоминание экспериментатором ряда цветовых обозначений, в том числе и верного. Одновременно пациент был способен определить какой-то оттенок красного цвета как "цвет вишни" и т.п. В дальнейшем, подбирая к заданному цвету колерные образцы более светлых или темных тонов, он при однократном предъявлении цвета долго раздумывал, отбирал неверные или откладывал верно отобранные образцы. Имея же возможность сверять колерные образцы с заданным цветом, он добивался несколько лучших результатов. Эти эксперименты<sup>1</sup> позволили Вайсгерберу прийти к выводу, что причина подобного нарушения заключается в изменении принципов классификации, на основе которых действует здоровый человек, а именно: утрата обозначений цвета и связанных с ними понятийных категорий [25, с. 37—39]. Это подтверждает его мысли о том, что "языковые содержания, т.е. языковые понятия, которыми мы пользуемся, когда думаем или говорим, не являются чем-то естественно данным, а суть нечто изученное, точнее, нечто изученное вместе с языком; они не имеют статичного характера, они результат охватывающего тысячелетия опыта наших языковых предков, который мы постоянно стремимся усовершенствовать с помощью наших собственных размышлений и нашего опыта" [25, с. 54—55]. На этой основе формулируется задача

<sup>1</sup> Ср. эксперименты А.В. Михеева [26] и особенно исследования Р.М. Фрумкиной в области русских цветообозначений [27].

исследовать внутреннюю форму данного языка, т.е. его понятийный строй и возможности сочетаемости, что "даст нам ключ к оценке всего того, что думается и говорится на этом языке, что совершается его носителями на основе работы интеллекта" [25, с. 46].

Продолжая анализировать эту зависимость, Вайсгербер указывает на специфику обозначений запаха: «Если мы хотим назвать запах, то можем воспользоваться лишь выражениями типа "пахнет как фиалка, камфара, жасмин"; обобщающие категории типа "красный", "синий" нам не даны, и в этом причина, почему нормальный немец ведет себя в сфере обозначений запаха так же, как амнестик — в сфере цветов", ведь "где отказывает язык, там нет и категориального поведения» [25, с. 48]. Очевидно, что в сфере запахов немец не располагает теми очками понятийной схемы языка, через которые он смотрит на мир цветов.

Подчеркивая языковую специфичность понятийных схем, Вайсгербер неоднократно обращает внимание на ее тесную взаимосвязь с конкретным языком: "Этот понятийный фонд есть совершенно особый, в различных языках всякий раз иной, способ интеллектуального охвата и познания мира" [25, с. 58].

С целью исследовать вопрос, почему в различных языках сложились разные понятийные системы, Вайсгербер обращается к более общему примеру духовной идиозтичности народов: "существованию" созвездий. Анализ вопроса, где "находится" созвездие Орион, и других примеров позволяет ему заключить, что Орион прежде всего — духовная величина, фигурирующая вследствие земного видения звезд в мышлении определенных человеческих коллективов. Созвездия "существуют" не в реальном мире, а в посредующем мире мышления (*geistige Zwischenwelt*), в котором они представляют собой результат переработки людьми своего опыта использования мира звезд в условиях данного языкового сообщества. Созвездия суть духовные предметы (*geistige Gegenstände*), которые используются человеком как мыслительные опоры в их отношении к миру звезд. В созидании такого посредующего мира человек "задействован со всеми его силами". Если первые созвездия были тесно связаны с непосредственным отражением, группировкой отдельных звезд, кажущихся глазу взаимосвязанными, то затем человеческое мышление приобретает большее влияние, привнося в эту сферу духовное формирование. Так возникает постоянно растущий двуховный посредующий мир, воздействия которого Вайсгербер обнаруживает в самых различных сферах человеческого бытия, к примеру, в бытующих в данном языковом сообществе представлениях о системе родства. Он отмечает, что "языки располагают словами родства, т.е. средствами, но не для того чтобы фиксировать все ниши родственных отношений как таковые, а для того чтобы помочь обобщенно осознать родственные отношения" [25, с. 65].

Анализ этой проблемы Вайсгербер начинает с рассмотрения "естественной системы ближайших генеалогических отношений" [25, с. 64].

Немецкий язык располагает минимумом для осознания генеалогических ниш из пяти важных для каждого отношений: *Vater* (отец), *Mutter* (мать), *Gatte, -in* (супруг, супруга), *Sohn* (сын) и *Tochter* (дочь). Эти мыслительные средства позволяют описать каждую генеалогическую связь в отношении к другим. Мы обнаруживаем, в частности, генеалогические ниши "отец отца", "супруга сына отца матери" и пр. Интересно сопоставить эти мыслительные средства с имеющими хождение в немецком языке словами родства, а также с соответствующими латинскими обозначениями. В латинском языке различались брат отца (*patruus*) и брат матери (*avunculus*), сестра отца (*amita*) и сестра матери (*matertera*), тогда как этим четырём родственным связям в немецком соответствуют всего два духовных предмета — *Onkel* (дядя) и *Tante* (тетя). Особые родственные связи римской женщины с братом и сестрой мужа нашли выражение в понятиях *levir* (деверь) и *glos* (золовка), между тем как таких связей не существовало между ней и женой брата или мужем сестры, а также между ее мужем и ее сестрами и братьями. Немецкий

понятийный мир оперирует широкими понятиями *Schwager* и *Schwägerin*, охватывающими все многообразие отношений между супругами и их братьями и сестрами. А немецкие понятия типа *Vetter* (кузен) вообще невозможно передать средствами латинского языка, ибо они образуют систему, чуждую римскому понятийному миру.

Еще большая разница выявляется между немецким *Bruder* (брат), не содержащим в себе дифференциации, и китайскими *gogo* (старший брат) и *didi* (младший брат). Во всем этом просматривается не просто разница в обозначениях, но и существенное различие в духовных предметах, в которых нашла свое выражение сложившаяся в данном языковом сообществе система родства.

Таким образом, "стимулы и точки зрения духовного преобразования мира порождаются всей палитрой жизненных условий и опыта; поэтому-то мы и обнаруживаем в разных языках по-разному разветвленное устройство сферы родства, протекающее из разнообразных условий социальной жизни" [28, с. 70]. Вайсгербер однозначно признает, что внешний мир является "прочной предпосылкой всего языкового, точкой опоры и целью, и в этом смысле языковые действия считаются с ним как с чем-то изначально данным и уже существующим независимо от языка" [28, с. 53]. С этой же точки зрения он анализирует немецкие духовные концепты из сферы общения человека с природой, миром растений, приводя чрезвычайно тонкие наблюдения, касающиеся, например, понятий "фрукты", "овощи", "сорняк" и т.д. [28, с. 54—57].

Однако вернемся к "закону языкового сообщества". По мысли Вайсгербера, каждый человек рождается и вырастает в условиях родного языка (*Muttersprache*), т.е. языка данного сообщества, народа. "Мы находим здесь, таким образом, язык в форме сложившейся системы языковых средств, как культурное достояние народа, сравнимое с другими достояниями — правом, обычаем и традицией и т.п." [28, с. 185]. Отдельный член языкового сообщества получает роль "со-носителя" общего достояния, причем существование этого отдельного члена сообщества не играет большой роли для существования самого языка. С другой стороны, язык может проявляться лишь постольку, поскольку этот конкретный член сообщества учит и использует его. В этом заключается особая сущность языка, его действительность (*Wirklichkeit*). Из этого положения Л.С. Ермолаева заключает: «Отмечая, что законы развития языка независимы от воли и сознания людей, он (Вайсгербер) делает вывод о "господстве" языка над человеком. Не человек закрепляет в языке результаты своего познания действительности, а наоборот, язык определяет своей существующей а priori системой понятий результаты этого познания» [4, с. 65]. На основе подобной критической "интерпретации" Вайсгербера ему приписывают явный нонсенс: "Язык сам создает окружающий мир" [7, с. 29; 13, с. 426]. Это объясняет, почему критики ставят Вайсгерберу в вину агностицизм, не замечая принципиального положения неогумбольдтианства о возможности создавать новые понятия в процессе познания мира.

Родной язык выступает у Вайсгербера как основа существования всякого народного сообщества, как та нить, что связует теперешних носителей языка между собой и с будущими и прошлыми поколениями. Без родного языка "вообще не могли бы длительное время существовать на больших пространствах сообщества людей" [28, с. 186]. Входящий в сообщество просто вынужден перенять культурное достояние — язык, поскольку в нем в рамках сообщества действует норма, не дающая ему свободы выбора. Посредством других носителей язык побуждает каждого принять его формы и удерживает в них своего носителя всю его жизнь. И хотя родной язык неравномерно распределен между своими носителями, совокупное со-владение языком сохраняет его целостность и позволяет передавать его другим поколениям. Передача языка включает и формы, и специфические понятийные средства, поэтому, обретая язык, члены сообщества обретают и закрепленное в нем определенное представление о мире. Родной язык

создает основу для общения в виде выработки сходного у всех его носителей образа мышления (*Denkweise*). Причем и представление о мире, и образ мышления — результаты идущего в языке постоянно процесса мирозидания (*Weltbild*), познания мира специфическими средствами данного языка в данном языковом сообществе.

Это представление о мире, "мировидение", попадает в язык, по словам Вайсгербера, "очевидно, посредством труда языкового сообщества, посредством содействия всех, кто был в течение тысячелетий носителем языка. Именно особое существование и действенность языка как культурного достояния конкретного народа создает такое сотрудничество бесчисленных людей в общем деле: здесь в языке каждое поколение заложило свой опыт, каждое сохранило, приумножило, усовершенствовало полученное от предков достояние — и наоборот, лишь то из духовного труда прежних поколений достигло нас, сегодняшних, что получило языковую форму. И так народ в ходе своей истории строил свой язык, закладывая в него то, что представлялось ему ценным в его внутренних и внешних судьбах, в его исторических и географических условиях, в процессе становления и роста духовной и материальной культуры для того, чтобы осмыслить мир и овладеть им" [28, с. 191].

Описанные Вайсгербером особенности формирования мировидения определяют, по его мысли, своеобразие не только немецкого, но и любого другого языка. Языковая идиотичность — краеугольный камень неоромантизма. Именно она обуславливает то, что "народ, отказывающийся от своего языка, отказывается от самого себя, а та часть народа, которая меняет язык, делает тем самым решительный шаг к смене народной принадлежности" [28, с. 192]. Родной язык является, таким образом, судьбой для каждого и огромной силой в судьбе народов. Выдвижение на первый план этого качества снимает всякие подозрения, будто Вайсгербер "не учитывает, что человеческое сознание возникло и развивается как общественный продукт" [4, с. 49]. Но это же качество исключает безоговорочно отражательную концепцию языка.

Для Вайсгербера восприятие мира происходит опосредованно, через понятийную призму родного языка: "Принципиальная ценность знаков заключается не в каком-либо возможно более верном отражении данного бытия, а в том, на что они могут быть способны как средства познания" [24, с. 200]. В этом с ним солидарен, кстати, Б.А. Серебренников [19, с. 6]. Способ отображения действительности носит у Вайсгербера идиотический характер и соответствует статичной стороне языка, языка как *Êrue*. Этому не противоречит тезис, что "любой язык в своем генезисе (разрядка моя. — *P.O.*) является результатом отражения человеком окружающего мира" [13, с. 428]: ведь без исходного отражения было бы вообще невозможно и ни к чему проводить первичную номинацию. Между тем, по справедливому замечанию Б.А. Серебренникова, "неодинаковое членение континуума окружающего мира возникает в период первичной номинации" [13, с. 428]. Когда же развитие языка достигает периода родного языка внутри конкретного сообщества, то "космос языковых содержаний представляет собой не простое отражение, а сосредоточение сил, на которых основано духовное воссоздание мира, в свою очередь порождающее новые воздействия" [28, с. 31].

Наконец, "закон языкового сообщества" и более общий закон обусловленного языком бытия постоянно давали пищу критикам для обвинения Вайсгербера в немецком шовинизме [5, с. 129]. Между тем для него языковое сообщество вообще — естественная общность людей, "типичная и важная форма человеческого общества" [24, с. 106], которую Вайсгербер отождествляет с понятием "народ" (*Volk*) и противопоставляет его нации как политической общности, государству и расе. "Языковой закон человечества" сам подразделяет людей на языковые сообщества практически естественно, указывая тем самым путь, которым люди могут достичь человеческой, т.е. определяемой духовностью

и протекающей в духовно-культурном русле жизни" [29, с. 6]. Это естественное членение основано, таким образом, на многообразии родных языков, но главное — "ценности народности настолько же выше ценностей государственности, насколько принцип духа следует возвысить над принципом власти" [29, с. 7]. К сожалению, формулировки Вайсгербера подчас настолько двусмысленны, что его положения вызывают у критиков дальнейшие подозрения в реваншизме. На самом деле Вайсгербер подчеркивает неоднократно, что "признание особой роли за самостоятельным (языковым. — *P.O.*) народом вовсе не обязательно включает требование самостоятельного государства" [29, с. 10], оставляя возможность такого требования при известных условиях вполне реальной. С другой стороны, он отмечает, что "подобная претензия не выводима из закона языкового сообщества. То, что все члены сообщества могут и должны делать в отношении других, — это оптимально и полно использовать заложенные в этом законе ценности; ценности эти — духовной природы и могут осуществляться только духовными средствами [29, с. 12], причем прежде всего имеется в виду культивирование родного языка. Вайсгербер считает, что ни государство не имеет права вмешиваться в вопросы языкового сообщества, ни последнее не должно прибегать к государственному пути их решения. При этом отмечается, что "поглощение посредством политических, силовых методов тех членов языкового сообщества, которые иначе ориентированы в своей государственной принадлежности, противоречит этому основному закону" [29, с. 12]. Эти принципы Вайсгербер всячески стремится донести до европейских политиков, ведь всевозможные языковые запреты, чисто идеологические границы, угнетение языковых меньшинств суть проявления языкового империализма (*Sprachimperialismus*), который своими насильственными методами может спровоцировать ответные меры сообщества. Главная же мысль, отстаиваемая Вайсгербером, — его убежденность в необходимости "всеобщего духовного разоружения", основным атрибутом которого является не отказ от идеи родного языка, а наоборот — самое внимательное отношение к проблемам языкового сообщества, "языковой мир", призванный стать самым надежным гарантом политической стабильности в мире.

\*

Можно было бы выявить множество любопытных особенностей перевода терминов Вайсгербера, добавить анализ соотношения языка и истории, языка и культуры в концепции Вайсгербера, раскрыть принципы анализа языкового материала, присущие "энергетическому языковедению". Однако достаточно полное раскрытие внутренней логики этой концепции возможно лишь в ходе постепенного, хронологически выверенного анализа философии языка Й.Л. Вайсгербера и его научного наследия в целом. Проследить эволюцию одного из важнейших современных учений о языке — неогумбольдтианства, развитие его теории и практики, судьбы понятий — задача нашего историографического исследования, призванного содействовать "духовному разоружению" отечественного языковедения.

Этой же цели служит и первая публикация Вайсгербера на русском языке — отрывок из исследования "Положение языка в системе культуры" [30, с. 211—224], посвященного взаимосвязи языка и других форм познания (мифологии, религии, мистики, науки), а также материальной культуры и языкового сообщества<sup>2</sup>. Он освещает наиболее важные философские послышки учения Вайсгербера и позволяет заглянуть в самый ранний период его формирования. В настоящее время нами готовится к изданию также перевод первой книги Вайсгербера — "Родной язык и формирование духа" (1929).

<sup>2</sup> Перевод текста Вайсгербера выполнен нами. Библиография оформлена в соответствии с правилами, принятыми в журнале "Вопросы языкознания".



## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
2. Звегинцев В.А. Семасиология. М., 1957.
3. Шендэльс Е.И. О грамматических значениях в плане содержания // Принципы научного анализа языка. М., 1959.
4. Ермолаева Л.С. Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании // Проблемы общего и частного языкознания. М., 1960.
5. Гухман М.М. Лингвистическая теория Лео Вейсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
6. Леваковская К.А. Некоторые зарубежные языковедческие теории и понятие слова // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
7. Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963.
8. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968.
9. Филицева Н.И. Методика "семантического синтаксиса" и возможности ее применения при анализе языкового материала // Уч. зап. МГПИИЯ. Т. 46. 1968.
10. Павлов В.М. Проблема языка и мышления в трудах Вильгельма Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании // Язык и мышление. М., 1967.
11. Funke O. Studien zur Geschichte der Sprachphilosophie. Bern, 1927.
12. Рамшвили Г.В. // ВЯ. 1962. № 6. Рец. на кн. Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике
13. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
14. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3. erw. u. verarb. Aufl. Moskau, 1983.
15. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. М., 1979.
16. Кодухов В.И. Общее языкознание. М., 1974.
17. Попов Ю.В. Общая грамматическая теория в немецком языкознании. Минск, 1972.
18. Чесноков П.В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977.
19. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Серебренникова Б.А. М., 1988.
20. Добровольский Д.О., Баранов А.Н. Лео Вайсгербер в когнитивной перспективе // ИАН СЛЯ. 1990. № 5.
21. Радченко О.А. Функциональная грамматика немецкого языка в ГДР и ФРГ: Дис. ...уч. ст. канд. филол. наук. М., 1989.
22. Радченко О.А. Языковая картина мира или языковое мирозидание? (К вопросу о постулатах Й.Л. Вайсгербера) // ИАН СЛЯ. 1990. № 5.
23. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
24. Weisgerber J.I. Sprache als gesellschaftliche Erkenntnisform. Ph. D. Bonn, 1925.
25. Weisgerber J.I. Zur Grundlegung der ganzheitlichen Sprachauffassung. Aufsätze 1925—1933. Düsseldorf, 1964.
26. Михеев А.В. Психолингвистическое исследование семантических отношений (на материале слов-цветообозначений): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1983.
27. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.
28. Weisgerber J.I. Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik. 3., neub. Aufl., Düsseldorf, 1962.
29. Weisgerber J.I. Die Sprachliche Zukunft Europas. Lüneburg, 1953.
30. Weisgerber J.I. Die Stellung der Sprache im Aufbau der Kultur // Wörter und Sachen. 1933. Bd. 15.

Й.Л. ВАЙСГЕРБЕР

## ЯЗЫК И ФИЛОСОФИЯ

Остается поговорить о том значении, которое язык имеет для философии. Строение и границы этой области трудно зафиксировать и определить по сравнению с уже упоминавшимися областями, поскольку мнения о предмете и задачах философии в значительной степени расходятся. Следует ли рассматривать философию как сферу систематизации результатов конкретных наук и объединения их в общую картину, следует ли считать ее той основой, которая позволяет оценить оправданность, научную ценность той или иной проблематики в различных областях? Или же это ограничение, эта тесная связь с областью наук не имеет силы, и философия призвана быть некой надстройкой над всеми сферами человеческого знания и желания, предположения